

Научная статья

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-435-450

**Типологические особенности категории эвиденциальности
в языках коренных этносов Северной Азии**

Людмила Алексеевна Ильина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Аннотация

Рассмотрены типологические особенности грамматической глагольной категории эвиденциальности, семантические компоненты которой – грамлеммы засвидетельствованности – выражаются морфологическими показателями глагольных форм.

Определены и обоснованы основные типологические признаки глагольной категории эвиденциальности в диахронии языков коренных этносов Северной Азии: наличие оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности, охватывающей все глагольные формы, выполняющие роль сказуемого в сообщениях о реальных ситуациях; наличие древней субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией грамлемм, указывающих на зрительное / незрительное (слух, обоняние, осязание, общие ощущения) восприятие реальных ситуаций; обязательность указания в сообщениях о реальных ситуациях источников сообщаемой информации.

На материале архаичных документированных срезов самодийских и юкагирских языков, представленных фольклорными текстами, прослежены коммуникативные функции эвиденциальных грамлемм чувственной засвидетельствованности в традиционной сфере сакрального общения, что позволило обосновать

© Ильина Л. А., 2024

вывод об органичной связи сенсорных эвиденциальных граммем с традиционной этнической культурой самодийцев и юкагиров.

Ключевые слова

грамматикализованная эвиденциальность, языки Северной Азии, сенсорно-эвиденциальные граммемы, самодийские языки, юкагирские языки, древние коммуникативные функции, сакральная коммуникация, социокультурная детерминация

Для цитирования

Ильина Л. А. Типологические особенности категории эвиденциальности в языках коренных этносов Северной Азии // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 435–450. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-435-450

Typological Features of the Category of Evidence in the Languages of Indigenous Ethnic Groups of North Asia

Lyudmila A. Ilyina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Abstract

The article examines the typological features of the verbal category of evidentiality, the semantic components of which – grammemes of evidence – are expressed by morphological indicators of verbal forms.

The main typological features of the verbal category of evidentiality in the diachrony of the languages of indigenous ethnic groups of North Asia are identified and substantiated: the presence of an opposition of direct / indirect evidence, covering all verbal forms that play the role of a predicate in reports of real situations; the presence of a subcategory of sensory evidence with the opposition of grammemes indicating visual / non-visual (hearing, smell, touch, general sensations) perception of real situations; the obligation to indicate in reports about real situations the sources of the information being reported.

Based on the material of archaic documented sections of the Samoyed and Yukaghir languages, represented by folklore texts, the communicative functions of evidential grammemes of sensory attestation in the traditional sphere of sacred communication were traced, which made it possible to substantiate the conclusion about the organic connection of sensory evidential grammemes with the traditional ethnic culture of the Samoyeds and Yukaghirs.

Keywords

grammaticalized evidentiality, languages of North Asia, sensory-evidential grammemes, Samoyed languages, Yukaghir languages, ancient communicative functions, sacred communication, sociocultural determination

For citation

Plyina L. A. Typological Features of the Category of Evidence in the Languages of Indigenous Ethnic Groups of North Asia. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 435–450. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-435-450

Вводные замечания

В современных лингвотипологических исследованиях языковой категории эвиденциальности (засвидетельствованности) доминирует ориентация на выявление универсальных типологических черт этой категории в языках мира. Поскольку в одних языках эвиденциальные значения выражаются только неграмматикализованными лексическими и синтаксическими средствами, а в других языках – также и грамматикализованными средствами, как правило, морфологическими показателями глагольных форм, то очевидно, что универсальные типологические черты категории засвидетельствованности могут быть только семантическими. Поэтому эвиденциальность понимается как универсальная семантическая категория, наличная во всех языках и способная выражаться как в разных языках, так и в одном и том же языке различными языковыми средствами: от лексической тематической группы «эвиденциальных глаголов» (глаголы чувственного восприятия, хранения, переработки и передачи информации) до морфологических глагольных форм [Козинцева, 1994; 2007; Chafe, Nichols, 1986]. Последние служат опорной базой при изучении категории засвидетельствованности, поэтому привлекают особое внимание и, как правило, занимают приоритетное место в исследованиях универсалий эвиденциальной семантики.

Самостоятельный статус глагольной категории засвидетельствованности (evidential) впервые обосновал Р. О. Якобсон в известной статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», посвященной классификации и систематизации глагольных категорий и опубликованной на английском языке в 1957 г., а в русском переводе – в 1972 г.

Р. О. Якобсон аргументировал то, что глагольная категория засвидетельствованности выполняет в межиндивидуальном речевом общении особую, существенно специфическую коммуникативную функцию – ука-

знание источника получения или способа засвидетельствованности информации говорящим, и указал, что эта функция отчетливо разграничивает засвидетельствованность с другими глагольными категориями в коммуникативно-функциональном и грамматико-семантическом аспектах [Jacobson, 1957; Якобсон, 1972].

Тем не менее отличие эвиденциальных глагольных форм от других способов выражения значений засвидетельствованности, особенно от стандартизованных лексико-синтаксических средств, регулярно употребляющихся в функции указания источников сообщаемой информации, типично осмысливается и даже эксплицитно определяется как чисто формальное. Это вполне логично при ориентации лингвотипологических исследований только на установление универсалий эвиденциальной семантики в языках мира, в абстракции от существенной специфики грамматикализации семантики засвидетельствованности в системах глагольных категорий многих языков. При такой ориентации все способы и средства выражения эвиденциальных значений – как грамматикализованные, так и неграмматикализованные – приходится считать равноценными, типологически равнозначными.

Типологические особенности глагольной категории засвидетельствованности

Наши данные сопоставительного исследования категории эвиденциальности на материале диахронически ранних документированных срезов самодийских и юкагирских языков, еще не подвергшихся на грамматическом уровне интерферирующему влиянию типологически контрастного русского языка, диктуют иную точку зрения, в фокусе которой грамматикализация семантики засвидетельствованности в системе глагольных категорий предстает как исключительно существенный типологический признак. В языках, исторически реализовавших на исконной основе этот способ грамматикализации эвиденциальной семантики, формируется и развивается особая самостоятельная морфологическая глагольная категория засвидетельствованности. В развитом состоянии она представлена многокомпонентной системой взаимопротивопоставленных эвиденциальных глагольных граммем с базовыми и вторичными значениями, которые выражаются морфологическими показателями глагольных форм и указывают на различные источники информации говорящего о репрезентируемых в сообщениях ситуациях. Все такие сообщения являются эвиденци-

альными высказываниями, поскольку в них роль сказуемого выполняют глагольные формы засвидетельствованности, морфологически выражающие указание на тот или иной источник сообщаемой информации. Это существенно детерминирует организацию всей системы глагольных категорий языка, его синтаксической системы и обуславливает существенную специфику не только уровней речи и языковой узуальной нормы, но и глубинных, наиболее устойчивых языковых уровней – системы и типа.

Уже сами факты исторической грамматикализации эвиденциальной семантики в системе глагола на определенной диахронической стадии эволюции языка и наличия на синхронном срезе этого языка развитой глагольной категории засвидетельствованности означают глубинную детерминацию данного языка в диахронии и синхронии существенно специфической, исторически сложившейся и перманентно воспроизводящейся в ряду поколений коммуникативной установкой на обязательное указание в сообщениях о реальных ситуациях источников сообщаемой информации. Только при наличии такой коммуникативной установки в языковой норме и ее высокочастотной реализации носителями языка в речи возможна грамматикализация эвиденциальной семантики вообще, а тем более в системе грамматических глагольных оппозиций.

Следовательно, генезис глагольной категории засвидетельствованности изначально обусловлен исторически сформировавшейся коммуникативной установкой носителей языка на обязательное указание в сообщениях источников сообщаемой информации. Вместе с тем генезис и последующее развитие глагольной категории засвидетельствованности означает реализацию этой коммуникативной установки уже не только на уровне узуальной нормы – сложившейся традиции межиндивидуального речевого общения, но и на глубинном эмическом грамматическом уровне – в системе эвиденциальных глагольных граммем и их парадигматических оппозиций. Иначе говоря, становление и развитие глагольной категориальной парадигмы засвидетельствованности не отменяет изначальную и традиционную коммуникативную установку, а, напротив, закрепляет и развивает ее, возводя с уровней «речи» и «нормы» на глубинный и устойчивый языковой уровень, названный Э. Косериу «системой» или «системой возможностей» [Косериу, 1963, с. 173–175, 342–343]. Это делает указание источников сообщаемой информации о реальных ситуациях грамматически обязательным и стабильным, устойчиво воспроизводимым в ряду многочисленных сменяющихся поколений носителей языка. Вследствие обретения традиционной коммуникативной установкой, возведенной на уровень

«системы», грамматической обязательности реальные ситуации могут репрезентироваться языком только в эвиденциальных высказываниях. Иначе говоря, реальность отражается языком только вместе с источниками информации о ней и вообще не может отражаться в абстракции от этих источников как «простая» или «объективная» констатация репрезентируемых реальных ситуаций. Таким образом, эвиденциально нейтральный индикатив европейского типа – не универсален. Он типологически чужд языкам, имеющим исконную глагольную категорию засвидетельствованности.

В отличие от универсальности неграмматикализованной семантической категории засвидетельствованности, выражаемой лексическими и синтаксическими средствами, глагольная категория засвидетельствованности далеко не универсальна. Она наличествует лишь в части языков мира, локализованных преимущественно в Америке, Азии и Восточной Европе. Важно подчеркнуть, что глагольная категория засвидетельствованности отсутствует в ведущих европейских языках, на материале которых выработались схемы лингвистического описания, не учитывающие эту глагольную категорию.

Именно глагольную категорию засвидетельствованности принято считать одной из древнейших глагольных (или шире – предикативных) категорий, если не универсально, то для определенного типа языков, названного известным датским лингвистом-типологом П. В. Дурст-Андерсеном в работе «Ментальная грамматика и лингвистические супертипы» супертипом, ориентированным преимущественно на грамматикализацию экспрессивной функции – выражения впечатлений говорящего о реальных ситуациях («*speaker-based languages*»). В языках этого супертипа оппозиция глагольных граммем прямого / косвенного восприятия реальных ситуаций (прямой / косвенной засвидетельствованности) выступает в качестве центральной детерминирующей типобразующей глагольной категории [Дурст-Андерсен, 1995, с. 32–35]. Это положение в дальнейшем представлено в его целостной теории, направленной на построение типологии грамматической семантики языков мира и изложенной в монографии «*Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation* [Durst-Andersen, 2011].

Наличие грамматической категории эвиденциальности – это один из наиболее универсальных структурных признаков, типологически объединяющий многие языки коренных этносов Северной Азии и типологически отличающий эти языки от русского и других ведущих европейских языков.

В. А. Плуноян, анализируя языки с грамматикализованной эвиденциальностью, подчеркивает: «Навязывание» языковой системой обязательного указания на источник сведений о сообщаемом факте выглядит, с точки зрения носителей большинства европейских языков, весьма экзотической стратегией; тем не менее в немалом количестве языков мира эта стратегия составляет часть грамматических правил употребления глагольных форм» [Плуноян, 2011, с. 452].

Эвиденциальные граммы и оппозиции чувственной засвидетельствованности

Данные лингвистической типологии и данные исторической этнологии дают основание предполагать, что диахронически ранними и, вероятно, даже диахронически первичными являются сенсорно-эвиденциальные граммы, грамматикализованные в системе глагола. Это граммы, указывающие в базовом значении на чувственные источники информации – зрение (говорящий зрительно наблюдал ситуацию), слух, осязание, обоняние, общие ощущения. Выделение базового значения важно, поскольку в синхронии оно определяет сущность глагольной граммы в определенной грамматической оппозиции, а в диахронии – является, как правило, генетически ранним или даже первичным, на базе которого развиваются ее вторичные и транспозиционные значения. В. А. Плуноян, определяя базовое значение граммы как «наиболее важный фрагмент ее семантической сети», подчеркивает, что «оно семантически проще других значений и предшествует им диахронически» [Там же, с. 86–87].

В истории изучения глагольной категории засвидетельствованности сенсорно-эвиденциальные граммы и грамматические формы глагола были описаны преимущественно на материале языков американских индейцев [Willett, 1988; Aikhenvald, 2004].

В языках коренных народов Евразии сенсорно-эвиденциальные граммы были известны до недавнего времени под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского [Вербов, 1973; Прокофьев, 1935; Терещенко, 1973; Künnar, 2002; Буркова, 2004]. Грамматико-семантический аналог самодийского «аудитива» был выявлен нами в архаичных текстах традиционного фольклора колымских юкагиров, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX в. [Ильина, 2016; 2023]. Это дает основание предполагать, что в прошлом, в диахронической ретроспективе, сенсорно-эвиденциальные

граммемы были значительно более широко распространены в языках народов Евразии.

Наличие глагольных граммем и форм чувственной засвидетельствованности, указывающих в базовом значении, что сообщаемая информация о референтных ситуациях получена говорящим на основании данных органов чувств, является главным индикатором глубокой древности глагольной категории эвиденциальности в североазиатских языках.

Грамматикализация перцептивных и сенсорных значений в системе глагольных грамматических оппозиций является древней в диахронии и архаичной в современной синхронии типологической чертой. Она была порождена коммуникативной установкой на обязательное указание говорящим источников сообщаемой информации. На базе чувственных граммем засвидетельствованности происходило становление в процессе эволюции этой категории других «нечувственных» глагольных граммем, прежде всего граммемы с семантикой «информация получена из сообщения». При условии исконности в языке глагольной категории эвиденциальности граммемы чувственной засвидетельствованности и их основные взаимные оппозиции являются первичными граммемами и оппозициями развивающейся категориальной парадигмы. Они долговременно воспроизводятся в процессе эволюции категории от генетически исходного состояния к развитому, формируют и детерминируют ее развитое состояние. В развитом состоянии категории представлены также генетически вторичные граммемы и оппозиции – оппозиции ментально-вербальной засвидетельствованности, указывающие источники сведений: сообщение (пересказывательность); умозаключение (инференциальность); память (прошлый опыт говорящего) и др.

Выводы. Социокультурная детерминация грамматикализации сенсорной эвиденциальной семантики

Логично предположить, что грамматикализация эвиденциальной семантики (в первую очередь сенсорно-эвиденциальной) в диахронии языков коренных этносов Северной Азии была детерминирована древними культурами, исторически существовавшими в североазиатском ареале. Как справедливо отмечает В. Г. Гак, «в формах языка, в его семантике, лексике, морфологии, синтаксисе отражается в определенной мере глубинная психология народа... отбор языковых элементов в процессе организации высказывания показывает, какие элементы действительности, какие свой-

ства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей» [Гак, 2000, с. 54].

Языки коренных этносов Северной Азии обслуживали в недавнем прошлом существенно сходные традиционные культуры, сохранявшие общие древние черты в образе жизни, мифологии и религии.

Прежде всего обращает на себя внимание древняя коммуникативная сфера сакрального общения. Особенно значимым является шаманизм – один из основных социокультурных институтов управления традиционными обществами, базирующийся на вере в реальность сакрального мира и выполняющий функции социальной консолидации, адаптации к окружающей среде, психологической компенсации с помощью комплекса психологических и языковых средств, главные из которых: религиозно-мифологическая интерпретация обыденных представлений о трехчастном мире; магический ритуал, которым шаманы-медиаторы опосредуют коммуникацию обычных людей с духами сакрального мира, и мифологический фольклор, передающий новым поколениям традиции веры, накопленные знания и образцы поведения в трудных жизненных ситуациях. Автор монографии «Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края» О. Э. Добжанская подчеркивает: «...шаманский ритуал занимает в культуре коренных народов Сибири важнейшее место как средоточие мировоззренческих и ценностных ориентаций традиционного общества» [Добжанская, 2008, с. 4].

Как известно, сфера сакрального общения для традиционных культур Северной Азии – это коммуникация людей со сверхъестественными силами – духами, которая осуществляется не напрямую, а с помощью специальных посредников – шаманов. На эту особенность указывает, в частности, известный российский этнолог Ю. Б. Симченко: «Нганасанские традиционные верования самими нганасанами подразделяются на представления об окружающем мире “простых людей” и верования тех, кто обладает шаманским даром – возможностями общения с духами, обычно недоступными “простым людям”» [Симченко, 1996, с. 181].

Эвиденциальные высказывания в сфере сакрального общения – это, как правило, сообщения высокоавторитетных шаманов, в которых они указывают на сакральные источники информации. Именно при указании на сакральные источники информации в диахронически ранних документированных шаманских фольклорных произведениях самодийцев и юкагиров употреблялись особые сенсорные эвиденциальные «аудитивные» глагольные формы, которые указывали на чувственное, главным образом слухо-

вое, восприятие говорящим невидимой ситуации. А в традиционных культурах самодийцев и юкагиров сакральный мир духов считался невидимым, причем не только для обычных людей, но и для шаманов. У юкагиров духи так и назывались «äjäдулбон = älä + jäдул + бон – не видимый; тот, который невидим, т. е. дух» [Иохельсон, 2005, с. 145]. Самодийские шаманы также «определяли свое отличие от “простых людей” тем, что они могут общаться с реальными силами, которые “не видны глазами” обычным людям, хотя и существуют одновременно с ними» [Симченко, 1996, с. 141]. Общение с невидимыми духами (преимущественно предками-покровителями) характерно не только для самодийской и юкагирской традиции, но и для традиции обских угров (манси и хантов): «Самсай-ойка [samsaj-õjka] – букв. ‘за глазами старик’, т. е. невидимый, находящийся в недостижимом для зрения месте» [Мифология манси, 2001, с. 126].

Эти древние традиционные представления могли быть одним из социокультурных (духовно-культурных) факторов, обусловивших формирование в североазиатских языках оппозиции сенсорных эвиденциальных граммем, указывающих на зрительное либо незрительное (слух, осязание, обоняние, общие ощущения) чувственное восприятие ситуаций, обобщаясь первоначально в «престижной» сфере сакрального общения, а затем и в других субкодах (формах существования) языка. Вполне логично, что при указании на источники о ситуациях невидимого сакрального мира шаманы использовали формы незрительной чувственной засвидетельствованности, а формы зрительной засвидетельствованности функционировали, вероятно, преимущественно в сфере обыденного общения.

Типичность употребления шаманами глагольных форм чувственной засвидетельствованности отмечалась также исследователями американско-индейских языков. По свидетельству К. Леви-Строса, «в диалекте винту в Калифорнии имеется пять глагольных наклонений, выражающих то, откуда получено знание о действии: путем зрительного восприятия, тактильных ощущений, путем индуктивного вывода, размышлений или, наконец, получено из уст других людей. Все пять наклонений относятся к грамматической категории знания, которая противопоставляется категории предположения, выражающейся посредством других форм. Любопытно, что отношения со сверхъестественным миром выражаются посредством наклонений, относящихся к категории знания, в частности наклонения тактильных ощущений (т. е. наиболее интуитивных форм чувственного опыта), и наклонений индуктивного вывода и умозаключений» [Леви-Строс, 1983, с. 159].

Для иллюстрации специфики эвиденциальных высказываний в сакральной сфере общения приведем показательные примеры со сказуемыми в «аудитивной» глагольной форме из языка ненецких шаманских обрядовых песен, документированных известным финским языковедом Т. Лехтисало в начале XX в. и опубликованных им с переводом на немецкий язык, а также из юкагирских шаманских текстов, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX в. с переводом на русский язык. Показатель «аудитива» в ненецком языке – суффикс глагола, в юкагирском колымском языке – грамматикализованная аналитическая конструкция:

(1) нен. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

sūd(ǎ) b'ēt jirikow(ǎ) ɣāni' ta'em' mā=monōn=ta (сказать=AUD=3SG): «*sām̄t(ǎ)χāde ɣora namna!*»

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so hörte man sagen: «Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!» [Lehtisalo, 1947, S. 471]

‘Мой великанский предок так **сказал=слышно**: «Дымным ставший олень-самец, бычок-второгодок!»’ (Шаман, цитируя невидимого духа, общается «непосвященным» участникам камлания о жертве, требуемой духами, и указывает масть, пол и возраст жертвенного оленя.)

(2) юк. к. Шаман, камлая, цитирует предсказание своего духа-помощника, который невидим.

(Алма) *jalɣināt móllo- mōdič* (AUD.3SG): «*Onóčlā tīn Ōnmunlaḥin āgūyuhimāi, máḥnugi agūrñāhimāi*. [Иохельсон, 2005, с. 130]

‘(Шаман), камлая, **говоря=слышен**: «Позже этим местом на Колыму кочевать будут, мучиться будут.»’

(3) нен. Шаман сообщает:

«*Jēčēi! šiβm'' tōtæ mīnl'eì mokkōcānūn šārman'' ɣām̄a=βōn=ta* (сесть=AUD=3SG).»

Jēčēi! Siebenflügligen Minlei an die Bindestelle der Rauchöffnung hörte man sich setzen. [Lehtisalo, 1947, S. 531]

‘Jēčēi! Семикрылый «минлей» (священная птица) на шест к дымовому отверстию чума **сел=слышно**.’

(4) нен.

šid'ǎ'e· šiβ βīdūttaññə· šimsj· pañtu'' jāmeárin'' tañtu'' ɣam̄tə·δa=ββaḡōñ=tu'' (присесть=AUD=3PL).

Zwei(mal) sieben Schneidegeister die šimšj-Zeltstange entlang, wie es sich gehört, hörte man sich setzen. [Lehtisalo, 1947, S. 474]

‘Дважды семь духов вдоль нижнего края симзы (священного шеста чума) присели=слышно.’

(5) юк. к.

Шаман, камлая, путешествует в нижний мир и доходит до реки царства теней:

«Шорóмопкi äгýрлi-мóдýңi (AUD.3PL), нýмä-пудäliä, лýдултiн jалһiдäйлi- мóдýңi (AUD. 3PL).» [Иохельсон, 2005, с. 143]

(Шаман сообщает): ‘Люди **расхаживают** на дворе (букв.: гуляя=слышны), металлические их украшения (на одежде) **звонят** (букв.: звеня=слышны).’

Следовательно, эвиденциальные граммы чувственной засвидетельствованности выполняли в ненецких и юкагирских древних фольклорных произведениях существенно сходные традиционные коммуникативные функции, реализуя при этом идентичные диахронически ранние базовые значения – указание на слуховое восприятие невидимых сакральных ситуаций в противопоставление ситуациям видимым. Это позволяет обосновать вывод об органичной связи диахронически ранних эвиденциальных грамм с традиционной этнической культурой самодийцев и юкагиров и высказать предположение о вероятной первоначальной грамматикализации сенсорной эвиденциальности в системе глагола одной из важнейших коммуникативных сфер – сфере сакрального общения – с постепенным распространением и обобщением также и в других субкодах (формах существования) североазиатских языков. На базе генетически первичных оппозиций грамм чувственной засвидетельствованности в процессе эволюции категории происходило становление генетически вторичных эвиденциальных оппозиций грамм – оппозиций ментально-вербальной засвидетельствованности.

Список условных обозначений

AUD – аудитив (сенсорно-эвиденциальный показатель); **3SG** – 3-е лицо единственного числа; **3PL** – 3-е лицо множественного числа; нен. – ненецкий язык; юк. к. – юкагирский колымский язык

Список литературы

- Буркова С. И.* Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2004. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. С. 353–374.
- Вербов Г. Д.* Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии, 1973. С. 4–190.
- Гак В. Г.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 54–68.
- Добжанская О. Э.* Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск: Апекс, 2008. 271 с.
- Дурст-Андерсен П. В.* Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 30–42.
- Ильина Л. А.* К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2016. Вып. 30. С. 21–29.
- Ильина Л. А.* Полипредикативные высказывания с сенсорной эвиденциальной семантикой в текстах традиционного фольклора колымских юкагиров // Современное юкагироведение в контексте арктических исследований: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2023. С. 10–17.
- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
- Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Козинцева Н. А.* Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Иностран. лит., 1963. Вып. 3. С. 143–343.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Прокофьев Г. Н.* Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.
- Симченко Ю. Б.* Традиционные верования нганасан. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. Ч. 1. 216 с.
- Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford Uni. Press, 2004. 452 p.

Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011. 200 S.

Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Noorwood, 1986. 358 p.

Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard Uni. Press, 1957. 14 p.

Künnap A. On the Enets Evidential Suffixes // Linguistica Uralica. XXXVIII 2002. No. 2. P. 145–153.

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947. 615 S.

Willet T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in language. 1988. Vol. 12, no. 1, pp. 51–57.

References

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford Uni. Press, 2004, 452 p.

Burkova S. I. Evidencial'nost' i epistemicheskaya modal'nost' v nenetskom yazyke [Evidentiality and epistemic modality in the Nenets language]. In: Issledovaniya po teorii grammatiki. Moscow, Gnozis Publ., 2004, iss. 3, pp. 353–374. (in Russ.)

Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Noorwood, 1986, 358 p.

Dobzhanskaya O. E. Shamanskaya muzyka samodiiskikh narodov Krasnoyarskogo kraya [Shamanic music of the Samoyed peoples of the Krasnoyarsk Territory]. Norilsk, Apeks Publ., 2008, 271 p. (in Russ.)

Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København, Hans Reitzels Forlag, 2011, 200 S.

Durst-Andersen P. V. Mentalnaya grammatika i lingvisticheskie supertipy [Mental grammar and linguistic supertypes]. *Voprosy yazykoznanija*, 1995, no. 6, pp. 30–42. (in Russ.)

Gak V. G. Yazyk kak forma samovyrazheniya naroda [Language as a form of self-expression of the people]. In: Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury. Moscow, Nauka, 2000, pp. 54–68. (in Russ.)

Ilyina L. A. K probleme sotsiokul'turnoi determinatsii evidentsial'nykh grammem i oppozitsii v yazykakh Severnoi Azii [On the problem of sociocul-

tural determination of evidential grammes and oppositions in the languages of North Asia]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2016, iss. 30, pp. 21–29. (in Russ.)

Ilyina L. A. Polipredikativnye vyskazyvaniya s sensornoi evidentsial'noi semantikoi v tekstakh traditsionnogo fol'klora kolymских yukagirov [Polypredicative statements with sensory evidential semantics in the texts of traditional folklore of the Kolyma Yukaghirs]. In: *Sovremennoe yukagirovedenie v kontekste arkticheskikh issledovaniy. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yakutsk, IGI i PMNS SO RAN, 2023, pp. 10–17. (in Russ.)

Iokhelson V. I. Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on the study of the Yukaghir language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk, Bichik Publ., 2005, 272 p. (in Russ.)

Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb [Shifters, verb categories and the Russian verb]. Harvard Uni. Press, 1957, 14 p.

Jakobson R. O. Shriftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Moscow, Nauka, 1972, pp. 95–113. (in Russ.)

Koseriu E. Sinxroniya, diaxroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. In: *Novoe v lingvistike*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1963, pp. 143–343. (in Russ.)

Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidence (problems of typological analysis)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1994, no. 3, pp. 92–104. (in Russ.)

Kozintseva N. A. Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti [Typology of the category of attestation]. In: *Evidentsial'nost' v yazykax Evropy i Azii*. St. Petersburg, Nauka, 2007, pp. 13–36. (in Russ.)

Künnap A. On the Enets Evidential Suffixes. *Linguistica Uralica*. XXXVIII, 2002, no. 2, pp. 145–153.

Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947, 615 S.

Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, Nauka, 1983, 536 p. (in Russ.)

Mifologiya mansi [Mansi mythology]. Novosibirsk, IAE SB RAS PPubl., 2001, 196 p. (in Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to

grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow, RSUH Press, 2011, 672 p. (in Russ.)

Prokofev G. N. Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika [Selkup (Ostyak-Samoyed) grammar]. Leningrad, 1935, 131 p. (in Russ.)

Simchenko Yu. B. Traditsionnye verovaniya nganasan [Traditional beliefs of the Nganasans]. Moscow, 1996, pt. 1, 216 p. (in Russ.)

Tereshchenko N. M. Sintaksis samodiiskikh yazykov [Syntax of Samoyed languages]. Leningrad, Nauka, 1973, 323 p. (in Russ.)

Verbov G. D. Dialekt lesnykh nentsev [Forest Nenets dialect]. In: Samodijskii sbornik. Novosibirsk, 1973, pp. 4–190. (in Russ.)

Willet T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in language*, 1988, vol. 12, no. 1, pp. 51–57.

Информация об авторе

Людмила Алексеевна Ильина, кандидат филологических наук

Information about the Author

Lyudmila A. Ilyina, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 16.05.2024;

одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 20.06.2024

The article was submitted on 16.05.2024;

approved after reviewing on 20.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024